

ЭТИКА КАНТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ФИЛОСОФИИ САРТРА И ЛАКАНА

М. О. Коваленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, maksuskoval@tut.by
Научный руководитель – О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент*

В данной публикации автор проводит анализ этической проблематики, через проработку классической концепции категорического императива И. Канта в контексте осмысления данной проблемы во французской философии двадцатого века. Жак Лакан и Жан Поль Сартр выявляют противоречие этики И. Канта между перспективами морального закона как сверх Я и морального закона как акта свободы в своих этических размышлениях над проблематикой желания и ответственности. Как попытка разрешения данного противоречия, заключённого в поле этики, предлагается синтез концепций Иммануила Канта и Жана Поля Сартра в этической концепции Жака Лакана.

Ключевые слова: этика; категорический императив; Иммануил Кант; Жан Поль Сартр; Жак Лакан.

Сегодня мы наблюдаем крайне быстрый темп развития устоявшихся мировых тенденций. Современная парадигма опирается на моральный утилитаризм, а общая победа постмодернистского тона в философии привела к уничтожению теоретического осмысления возможности нравственного действия. Особенно явственно своё изменение демонстрируют моральные категории, которые складывались в различных культурах в течении длительного времени. Вместе с тем важной составляющей практики человека по-прежнему остаётся этика, то есть сфера нравственности и поступка. И одним из самых важных этических мыслителей по-прежнему остаётся Иммануил Кант, совершивший коперниканский поворот в истории мысли, породив совершенно новый взгляд на старые апории и проблемы.

В первую очередь, важно упомянуть о теории категорического императива, который приписывает человеку абсолютную субъективную свободу выбора долга, благодаря которому он может выстраивать собственную нравственность. Революция И. Канта лежит в плоскости того, что долг, в отличие от всех предыдущих концепций, полностью отделён от своего содержания, т.е. становится чистой формой. Наша жизнь как субъектов может быть разделена на две составляющие: патологическую жизнь (приверженность нашим потребностям и необходимости) и моральный закон (свободное решение за пределами природной необходимости). И. Кант проясняет свою приверженность второй составляющей

человеческой жизни как подлинно нравственной в своём известном выражении: «Две вещи поражают мое воображение: звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас» [1]. Также важно вспомнить о Кантовском учении об уважении, которое напрямую связано с чувством возвышенного, которое не одно и то же с прекрасным. Возвышенное не обязано приносить субъекту какое-либо удовольствие, оно должно граничить с чувством уважения и преклонения перед ним. Тем самым И. Кант говорит о том, что звёздное небо и моральный закон – это два элемента, которые человек должен уважать и перед которыми объективно должен приклоняться. В этот момент в этической системе и возникает первое противоречие, которое создаёт расщеплённость субъекта между моральным законом и патологической жизнью, так как сам закон становится, с одной стороны – актом свободы субъекта, а с другой – актом одновременного безоговорочного подчинения.

Первый, кто заметил это противоречие, был известный психоаналитик двадцатого века Жак Лакан, который в работе «Кант с Де Садом» [2] вывел на свет ту диалектику, которая скрывалась внутри этической философии И. Канта. Лакан показал, что разделение между «радикальным злом» и «радикальным добром» у И. Канта на самом деле не так очевидно. «Радикальное добро» – это поступок, который полностью принадлежит измерению долга и полностью очищен от любого патологического содержания. С другой стороны, существует самый ужасный поступок, который настолько погружается в свою патологичность, что освобождает её от содержания и превращает её в долг. Но чтобы предвосхитить ошибку И. Кант формулирует правило: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [1]. Но проблема этого правила в том, что оно по-прежнему никак не позволяет отличить добро от зла и поступить правильно, ведь субъективное содержание долга обнажает проблему того, что «радикальное добро» и «радикальное зло» имеют одну и ту же структуру.

В следствие этого Кант и получил своего тёмного двойника под именем Маркиз де Сад, который отразил его собственную этику и продемонстрировал подлинный ужас нравственности, где долгом может выступать причинение боли другому. Тем самым и проявила себя подлинная диалектика между карающей и освобождающей функцией закона в философии И. Канта. В психоаналитической теории требование со стороны морального закона отводится инстанции сверх-Я, которая проверяет любые действия субъекта на соответствие идеалу, после чего карает за любое отклонение от него, приобретая форму закона внутри субъекта. Проблема кроется в том, что инстанция сверх-Я никогда не сможет остановиться, то есть бесконечный судебный процесс будет продолжаться всю жизнь

субъекта, подчинённого данной инстанции, тем самым ни о каком действии речь после зайти не может, ведь боязнь ошибки всегда приведёт субъекта к отказу от нового. Поэтому Ж. Лакан пытается избавить этику Канта от этого элемента и пытается выстроить новую этику на основе долга. Чистый долг И. Канта родственен понятию Ж. Лакана о желании, которое он разрабатывает в собственном этическом учении.

Кроме того, в данном контексте важно упомянуть о концепции действия Жана Поля Сартра. Взрыв популярности феноменологии в начале двадцатого века привёл к созданию нового взгляда и на этическую проблематику. Ж. П. Сартр выделяет две онтологические составляющие: бытие-в-себе и бытие-для-себя. Про бытие-в-себе мы ничего не можем сказать кроме того, что оно есть, а вот бытие-для-себя – это сознание, которое для Сартра представляет собой абсолютное ничто. Данное сознание возможно наполнить любым содержанием, благодаря чему Сартр и приходит к выводу о том, что субъект абсолютно свободен. Знаменитая цитата Сартра свидетельствует об этом: «Человек обречен быть свободным» [3]. Так как никакая из инстанций не может определять деятельность человека, с точки зрения Сартра, то только сам субъект всегда обречён на выбор между альтернативами, которые предоставлены нам ситуацией. Но эта свобода проблематична в связи с тем, что мы принимаем также на себя всю ответственность за наши поступки. Именно страх перед ответственностью пугает субъекта и не даёт ему совершить действие, которое он всегда он свободен совершить. Наиболее ярко Ж. П. Сартр излагает эту точку зрения в своей пьесе «Мухи» [4]. Для Сартра концепции «добра» и «зла» переходят в новую плоскость проблемы выбора между: свободой выбора и отказом выбирать.

В этом контексте важно упомянуть о том, что желание – это синтез между тремя составляющими: этической концепцией И Канта, Г. Гегеля, Ж.П. Сартра, а также З. Фрейда. И стоит отметить, что именно Ж. Лакану удалось совершить полноценный синтез между самыми революционными и влиятельными этическими концепциями. Стоит вспомнить о Гегелевской концепции разделения желания на животные и человеческие, где человек – это животное, которое желает не вещь, а само желание. Лакан формулирует это так: «Желание – это прежде всего желание другого, но не того или иного человека, а другого как общего отношения к другому, к культуре, опосредованного языком. Человек, сам испытывающий «нехватку бытия», желает быть тем, чего не хватает другому. Это желание говорит в нем и организуется в систему знаков» [5]. Но отличие от Канта заключается в том, что для него другой, к которому мы должны обратиться – это Бог или Всеобщее законодательство прав человека, стали теми сферами, которые постоянно вызывают полемику у многих

исследователей. Лакан формулирует данную проблему в качестве мысли о том, что «Большого другого не существует» [5]. Это не значит, что никого кроме нас нет, что можно было бы расценить как солипсистский тезис, но то, что нет того элемента, который может заверить наши действия, лишь мы сами способны на это. Поэтому субъект абсолютно свободен именно в выборе стратегии отношения с другим, в которой он может лавировать между определёнными идеологическими выборами, но должен по-прежнему сохранять именно верность долгу или желанию. Поэтому другой – это загадка и лишь субъект, совершив свободный акт предпринимает попытку найти к ней собственную разгадку.

По результатам проведенного исследования, Кант разработал определённую этическую программу, которая по-прежнему актуальна в контексте её обсуждения. Кант раскрыл основное противоречие, которое характерно для любого рода этических программ. Это породило два совершенно разных пути для развития этики: этика как зеркало сверх-Я или этика как формулировка возможности свободного акта. В связи с этим были рассмотрены концепции Канта, Сартра и Лакана. Работа Лакана в контексте обсуждения этики Канта и Сартра позволило провести качественную критику обеих концепций, что в конечном итоге привело к формулировке собственной этической программы желания, которая стала итогом качественного снятия.

Библиографические ссылки

1. *Кант И.* Основы метафизики нравственности: в 6 т.. Москва: Мысль, 1965. Т.2.
2. *Lacan J.* Kant avec Sade. Paris: Seuil, 1966. P. 790.
3. *Сартр Ж.-П.* Пьесы. Послесловие С.И. Великоского. Москва: Искусство, 1967. С. 670.
4. *Сартр Ж.-П.* Пьесы. Москва: Флюид, 2008.
5. *Collin M.* Desir et raison. Paris: Hatier, 1978. P. 80.